

Ольга Илюха

«ТИШЕ, ГОВОРИТ МОСКВА!» АГИТАЦИЯ ЗА РАДИО НА СТРАНИЦАХ ДЕТСКИХ ЖУРНАЛОВ ПЕРВЫХ СОВЕТСКИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ¹

В статье освещается проблема вхождения в советский социум инновационного для своего времени средства коммуникации. Ставится задача выявить и рассмотреть способы привлечения внимания детей к радио на страницах периодической печати 1920–1930-х гг. В качестве основных материалов использованы адресованные школьникам журналы, которые отражают официальный дискурс, адаптированный для детской аудитории. Радио представлено в них как техническое средство коммуникации и как источник информации. В числе направлений работы редакций таких изданий по пропаганде радио — ознакомление детей с новшеством, привитие им интереса к радиотехнике, привлечение в качестве слушателей, корреспондентов, агитаторов за слушание радио. Прослеживается расширение тематического спектра публикаций по мере нарастания экспансии радио, а также смещение внимания редакций с рекламы радиосвязи и пропаганды радиотехники в сторону комментирования содержания радиопередач. Показана представленная на страницах детских периодических изданий их связь с редакциями радиопрограмм, участие газет и журналов в подготовке передач, что обеспечивало цельность информационного пространства страны, служило эффективности просветительской и идеологической работы, сочетавшей письменное и устное слово. Выявлены пропагандируемые практики слушания радио, линии связи агитации за радио с организацией пионерской работы, ее идеологией, включая социальную «перековку», антирелигиозную пропаганду и работу с беспризорниками. Показаны приемы, направленные на привлечение детей в качестве «агентов» радиокоммуникации. Обращено внимание на использование, характерные черты и функциональное назначение образов детей в художественных и публицистических текстах на тему радио.

Ключевые слова: исследования медиа, история радио, радиовещание, детские журналы, советское детство

Ольга Павловна Илюха, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, ilyukha.olga@mail.ru

Введение

Появление в 1920-х гг. радиовещания принципиально изменило характер распространения информации в мире. Это фундаментальная перемена в сфере СМИ оценивается в научной литературе как одна из медиареволюций [Behringer 2006]. В СССР радио, наряду с кинематографом, в силу способности эффективно воздействовать на сознание и настроения миллионов людей, пользовалось особым вниманием партийных лидеров и педагогов, стало агитационной площадкой и рупором «культурной революции». Компартией ставилась задача завоевания эфира — то есть создания контента на основе соответствующей идеологии и «покорения» самых разных аудиторий слушателей — национальных меньшинств, женщин, детей и др. [Стириус 1931]. Неслучайно детские передачи в СССР стали создаваться уже в самом начале эры радио. Потенциал радиокоммуникации в работе с детьми и молодежью рассматривался сквозь призму ее идеологических, образовательных, воспитательных, организаторских и эстетических функций и возможностей [Горбаткова 2015, 9–10]. Советская концепция модернизации в сочетании с идеей создания нового человека определяла отношение к детям и молодежи как носителям перемен и прогресса. В деле развития радиокоммуникации власть делала ставку на подрастающие поколения как в отношении освоения радиотехники, так и в направлении формирования перспективной аудитории радиослушателей.

История советского детского радиовещания явно недостаточно освещена в научной литературе, а период его становления затронут лишь в отдельных аспектах и проявлениях. Монографические исследования, характеризующие историю советского радиовещания и радиожурналистики в целом [Горяева 2009; Тихонова 2020], дают представление о контекстах развития детского радио 1920–1930-х гг. Обращает на себя внимание статья И. А. Руденко, в которой очерчены начальные этапы развития детской радиожурналистики в СССР [Руденко 2017]. Исследователей также привлекла роль радио в деле школьного и внешкольного обучения. На историческом фоне XX — начала XXI вв. среди прочих средств медиаобразования радио представлено в книгах И. В. Чельшевой, А. В. Федорова [Чельшева 2013; Федоров 2015]. Место детских программ радиовещания в системе медиапедагогики в СССР 1920-х гг. раскрыла О. И. Горбаткова [Горбаткова 2015], а М. Рикитянская на основе анализа специализированного журнала «Радио всем» реконструировала историю становления детских радиокружков

[Ракитянская 2017]. Проявился интерес ученых к проблеме эффективности радиопропаганды среди юных слушателей. В частности, В. А. Сомов показал особенности работы редакций радиостанций с детьми и подростками, характер построения детских радиопередач, психологические приемы привлечения детского внимания [Сомов 2015]. Современное понимание междисциплинарного характера исследований радио предполагает обращение к таким областям знания, как теория коммуникации и медиа-исследования, история технологий, социальная антропология и география человека, социология, журналистика, музыковедение и др., расширяя возможности воссоздания исторической картины советского детского радиовещания².

Исследователи широко привлекают периодическую печать как исторический источник для решения конкретных научных задач, однако проблема взаимодействия печати и радио («газеты без бумаги»), включая создание прессой образа нового средства коммуникации, в научных публикациях практически не представлена [Ваничев 2013, 130]. Между тем периодические издания для детей второй половины 1920-х гг. пестрели неологизмами со словом «радио»³, разнообразной информацией о нем, в том числе о вхождении радиопередач в повседневную жизнь советских людей. В 1926 г. журнал «Пионер» констатировал: «Радио — самое распространенное слово среди пионеров. О радио мечтает не только пионер, но и октябренок, комсомолец и даже партиец» [Чудаков 1926]. Поскольку на советские детские журналы наряду с функцией пропаганды возлагалась и задача организации детской жизни [Гофман 1931, 205], то они живо откликнулись на актуальную тему. Кроме того, детское радио, как и радио для взрослой аудитории, начинало свое становление с передачи в эфир газетных и журнальных текстов, обусловив появление и развитие радиогазет и радиожурналов. Эти обстоятельства выдвигают задачу раскрытия роли детской периодической печати, к середине 1920-х гг. уже привычного средства коммуникации⁴, в пропаганде радио и агитации за пользование им как инновационным каналом информации. Представляется необходимым охарактеризовать спектр публикаций о радио в детских журналах, выявить направления работы их редакций в деле популяризации радиовещания, рассмотреть способы и приемы привлечения внимания детей и подростков к радиотехнике и радиовещанию с помощью печатных СМИ⁵.

Основной массив источников, использованных при написании статьи, составляют детские журналы, внесшие вклад в продвиже-

ние идеи радиофикиации страны и развитие детского радиовещания путем подготовки аудитории младших слушателей к восприятию радиопередач, «настройки детского уха», а также формирования корпуса юных корреспондентов, пишущих в редакции радио. Привлечены материалы журналов для детей младшего школьного возраста («Мурзилка», «Чиж») и школьников среднего возраста («Пионер», «Затейник», «Еж»), в качестве дополнительного источника использовалась газета «Пионерская правда». Эти многотиражные издания, выходившие в Москве или Ленинграде, по своему назначению являлись массовыми, были востребованы читателями всей страны, поэтому в сфере их влияния оказалась значительная часть советских детей. Поскольку детское радио относится к культурно-досуговым средствам [Воробьев 2020, 86], то пристальное внимание удалено журналу «Затейник», который был ориентирован на организацию свободного времени пионеров и характеризовался как «агитпроп пионерской организации» [Боевые вопросы 1930]. В целом отобранные для анализа издания, неравнозначные по объему, разнообразные по структуре и подаче материала, дают широкий спектр презентации темы радио в детских массовых журналах и позволяют выявить господствовавшие подходы и типичные ракурсы ее освещения.

Использованный в процессе исследования контент-анализ детских журналов, на страницах которых тексты сопровождаются многочисленными иллюстрациями, включает как методы рассмотрения вербальной информации, так и обращение к визуальным изображениям с учетом связи или визиотипа, возникающего в месте встречи верbalного и зрительного образа, усиливающего смысловое воздействие [Pörksen 1997, 10–11]. При этом стоит оговориться, что возраст детей, для которых создавался тот или иной журнал, безусловно, влиял на выбор подходов и средств осуществления редакцией ее «радио-политики», обеспечивая вариативность содержания материалов о радио.

Общая стратегия освещения журналами темы радио выявляется уже при беглом знакомстве с их содержанием. Она основана на отношении к юным читателям не только как потенциальным радиослушателям, но и как гражданам страны, в которой радиосвязь служит средством «покорения пространства», обеспечивает безопасность аэростатов, самолетов и кораблей. Журналы видели своих читателей также в роли будущих конструкторов радиотехники и агитаторов за радио, а также помощников старшим в овладении техникой.

Знакомство с радиоголосами. Места и практики слушания радио

На первом этапе (во второй половине 1920-х гг.) прежде всего решалась задача ознакомления читателей с новым средством связи. Радиофикация страны была подготовлена техническими достижениями дореволюционного времени, однако ее практическое осуществление пришлось на начальный период советской власти и воспринималось многими людьми на субнациональной основе [Щербинин 1999, 118] как советское чудо. Это формировало общий эмоциональный фон, влиявший на подходы в работе с детьми. Предстояло дополнить восприятие официальной информации, получаемой с помощью чтения, информацией, воспринимаемой через слушание, добиться признания авторитета радиофицированного слова. Также было важно решить проблему психологической адаптации, преодолеть первоначальный страх маленьких детей перед невидимым голосом и поддержать любопытство подростков. Эта ситуация осмысливается преимущественно в художественной форме. Многочисленные рассказы и стихи наполнены лексикой и высказываниями, передающими эмоции удивления и изумления: «Всей ярмарке на диво / Загудело радио!» [Федорченко 1928, 12]; услышав радио — «опешила», «так и ахнула»; «народ замер», «дивудается», «что за штука такая?» [Замойский 1926]. Голоса из ящика или рупора вызывают вопросы: «Что это за люди?», «Что это за звери?». Старшие дети, прежде всего мальчики, объясняют младшим, что голоса летят по воздуху из Москвы, а предполагаемая способность младших детей осознать происходящее подчеркивается их превосходством над бестолковыми игрушками: «Мишка глупый, плюшевый, / Сиди, не подслушивай, — / Тебе не понять!» [Шебуев 1929, 5].

Характерным примером подготовки детей к предстоявшей встрече с радиоголосами является опубликованный в 1926 г. в «Мурзилке» рассказ Л. Висс о деревенской девочке, которая, приехав к тете в Москву, впервые услышала «чей-то громкий голос» — радио. Поначалу она испугалась, убежала, а позже стала просить у радиоприемника: «Ну, еще... Ну, еще сыграйте... <...> Так Маша сделалась „радио-любительницей“» [Висс 1926, 10]. Безусловное доверие младших детей к невидимому голосу исследователи связывают с детскими впечатлениями первых лет жизни, когда «голоса взрослых плавают где-то над головой», направляют, обеспечивая безопасность и обладают абсолютной истиной [Лотман 1994, 145–146].

Рис. 1. Обложка журнала «Мурзилка». 1925 г. № 3. Художник не указан

Одним из приемов, с помощью которого пытались ускорить «одомашнивание» радио, было преподнесение маленьким читателям визуального образа радиоприемника, размещение в журналах картинок с изображением слушания радио в семье, в ходе обычных детских занятий, игры или еды. На одном из рисунков в журнале «Мурзилка» за 1925 г. художник поместил радиоприемник в центр ковра с игрушками; именно он привлекает внимание детей, отложивших в сторону книжки (рис. 1). В другом случае изображение девочки в наушниках и с ложкой в руках сопровождалось уточняющей подписью: «Кашу кушаю и радио слушаю» (рис. 2). Малодоступный предмет преподносился как нормальный элемент идеализируемого в текстах и картинках домашнего быта, готовя тем самым читательскую аудиторию к приятию диковинки.

Рис. 2. «Кашу кушаю и радио слушаю». Художник не указан. Мурзилка. 1925. № 9. С. 3

С начала 1930-х гг. радио все чаще изображается вне домашнего пространства. Планы радиофикиации всей страны, ориентированные на сплошное оснащение радиоприемниками домохозяйств, в силу технических сложностей воплощались не столь быстро, как предусматривалось. Герои рассказов, публиковавшихся в детских журналах — солдаты, моряки, колхозники, даже младшие школьники, слушают передачи в основном в ленинских и красных уголках, пионерских комнатах и клубах, коммунальных столовых. Такая практика слушания согласовывалась с идеей колLECTивизма. Советские дети хотят слушать радио вместе с товарищами, поэтому знают, куда потратить деньги, вырученные от сдачи в аптеку лекарственных растений: «Радио купим в клуб!» [Клокова 1930, 12].

Организация коллективных радиослушаний была в списке необходимых условий для получения звания радио-затейника и соответствующего диплома от редакции журнала «Затейник» (рис. 3). Проведение этой акции журнал начал в 1933 г. с целью стимулирования радиотехнического творчества, развития школьного радиовещания и регулярного слушания радио.

Территориальная экспансия радио постоянно расширялась, оно звучало не только в помещениях школ, детских домов, детских садов и даже в вагонах пассажирских поездов, становясь для этих пространств обычным атрибутом, но охватывало и открытые площадки, включая пришкольные территории и стадионы пионерских лагерей. Выдуманный персонаж журнала «Затейник» профессор

Rис. 3. Бланк диплома радио-затейника. Художник не указан. Затейник. 1933. № 23

Головоломка в майском номере 1934 г. призывал читателей подготовиться к поездке в лагерь, чтобы суметь его самостоятельно радиофицировать. Из рассказа профессора следовало, что радио может привнести в лагерную жизнь новые формы работы, даст сведения литературно-художественного и политico-информационного плана, как «верный друг» скрасит вечерний досуг. Статья содержала четкий рецепт, как весело и интересно закончить день: «Дай радио местечко у костра» [Профессор Головоломка 1934, 23]. Но дело не ограничивалось «личным потреблением» радиоинформации. Головоломка советовал привлечь к радио внимание детей из соседнего колхоза: «Устройте-ка радиопоход в колхоз. Организуйте-ка там

радиослушание для колхозных ребят. А если вы сумеете за время своего пребывания в лагере помочь ближайшему колхозу радиофицировать свою школу да подготовите из местных школьников нескольких человек для надзора за аппаратурой, то я — ваш старый, неизменный друг профессор Головоломка — скажу вам: „Браво, юные товарищи! Вы обладаете крепкой пионерской установкой. Вы будете достойными гражданами Советского Союза“» [Профессор Головоломка 1934, 23]. Пионеры здесь выступают как агенты, посредники между государственными институциями и детьми, еще не охваченными радиовещанием.

Во второй половине 1930-х гг. радио предстает уже как привычная часть повседневности. Поэт А. Введенский, описывая утро школьника, уравнивает обыденность голоса радио, размечавшего время регулярностью передач, с естественным движением солнца: «Все знакомо, все обычно, / Громко радио поет. / Совершая путь привычный, / Солнце по небу плывет» [Введенский 1935, 31]. В публикациях 1920-х гг. трудно представить информацию, которая в 1940 г. воспринималась уже органично: «Включили радио. Женя уселся на диван и скоро уснул» [Антонюк 1940, 6]. Дети новых советских поколений привычно просыпались и засыпали под звуки радио. Естество радио передается в художественных текстах путем использования антропоморфных характеристик: громкоговоритель «заорал на всю квартиру, совершенно не стесняясь, что моя мама еще спит», а затем заговорил «тихо, шепотом, он наверно рассердился на меня...» [Рывкин 1935, 22].

На страницах детских журналов радио объединяло советских граждан не только информационно, но и физически, собирая группы, коллективы для прослушивания передач. Тема скрепляющего страну московского вещания ярко звучит в беллетризованных текстах о присоединении к СССР новых территорий. Жители села, где еще недавно хозяйничали польские паны, собрались послушать установленный красноармейцем на высоком дереве радиоприемник: «Долго слушали люди. О дружных народах, о широкой земле, о вольном труде пела Москва. И многие еще по привычке озирились, не веря, что можно так громко говорить об этом» [Кассиль 1939, 5]. Автор этих строк Л. Кассиль вербализирует звучание кремлевских курортов: «Би-им, бюм-бум, бом-бэм-бам...», — по которым предстояло сверять часы и на новых советских землях.

Даешь радио! Стимулирование детского радиолюбительства

О быстром росте популярности нового технического средства связи свидетельствовало присвоение звеньям и пионерским отрядам во второй половине 1920-х гг. названия «Радио» или «Радиолюбитель», а также многочисленные обращения пионеров в журналы с просьбами опубликовать схемы устройства радиоприемников и инструкции по их самостоятельной сборке. Одна из первых таких публикаций в журнале «Пионер» в июле 1924 г. была откликом на просьбы школьников «больше писать об изготовлении приемников для радиокружка» [Прошу слова 1924]. Автор предложил сразу две схемы для создания простейших приемников. Их достоинством была дешевизна материалов, однако устройства были способны принимать сигнал на расстоянии лишь нескольких километров. Сообщалось, что в школах Москвы такие приемники позволяют пионерским отрядам ежедневно в 11 ч. 40 мин. и в 19 ч. 15 мин. слушать передаваемые с радиостанции имени Коминтерна телеграммы Роста, бюллетень погоды, а по воскресеньям в 18:30 — радиоконцерты [Булатов 1924, 29]. Но и самые простые материалы и радиодетали было трудно найти, а еще труднее оказалось поймать сигнал несовершенным устройством в отдаленных от радиостанций местах. Из разных городов и поселков страны юные корреспонденты сообщали, что им приходится сидеть с самодельными слуховыми трубками у аппарата часами, чтобы уловить из эфира хотя бы обрывки фраз [Наши радиолюбители 1924].

Стремясь помочь юным техникам, «Пионерская правда» публиковала «Памятки радиолюбителям», обращая внимание на различные узлы и детали радиоприемника, от которых могло зависеть качество звука, уточнялась высота размещения антенны. Такого рода помощь была актуальной по причине низкой технической грамотности учителей [Горбаткова 2015, 25]. Сборка радиоприемников по готовым чертежам, на основе принципа «сделай сам» для некоторых детей становилась отправной точкой развития увлечения; освоение технологии своими руками давало опыт и базовые навыки для дальнейшего технического творчества. Факты создания подростками радиоустройств собственной конструкции журналы подчеркивали особо, вдохновляя таким образом «будущих Эдисонов» [Федосеев 1928, 16]. Движущей силой превращения радио в хобби стали дороговизна и малодоступность приемников в первые годы радиофикации⁶. Продвигая идею развития детского творчества, советские журналы помещали фотографии юных конструкторов, при

Рис. 4. Публикация этой фотографии в журнале «Еж» (1928. № 9. С. 19) в подборке снимков, «присланных ребятами — любителями науки и техники» сопровождалась информацией о содержании радиовещания: «Вот брат и сестра слушают радио. Москва передает пионер-час. Передают частушки, статьи, пьески, песенки». Автор снимка не указан

этом с целью привлечения новых слушателей в комментариях рекламировалось содержание радиопередач (рис. 4).

Представление об устройстве радиоприемника давалось и с помощью легко запоминавшихся рифмованных текстов:

Вот шкатулка — не игрушка.
В ней индуктор и катушка.
А на крышке у шкатулки
Металлические втулки.
А от втулки провода

И туда и сюда.
Первый провод вниз для слуха,
И бежит он прямо в ухо.
Провод втулки второй
Сообщается с землей.
Третий провод, словно плеть,
В электрическую сеть,
В штепсель он включается...
Что же получается? [Бельшев 1931, 4]

На пике радиомании во второй половине 1920-х гг. дети компенсировали дефицит техники имитационными практиками, устраивая говорение в школе через деревянный рупор или «трансляцию» голосов из соседней комнаты [Немцов 1928]. Дошкольники играли в строительство радио-башни из пустой бутылки или «в радио», представляя приемником какой-нибудь похожий предмет, а себя и своих кукол воображали слушателями: «Гвоздик на буфете. / Ниточка под стол. / В пять минут наш Петя / Радио провел» [Власов-Окский 1927; Федоров-Дывыдов 1928].

Научно-популярные заметки раскрывали устройство современных моделей радиоприемников и особенности их работы, а в начале 1931 г. журнал «Еж» опубликовал очерк о принципах функционирования телевизора, который автор характеризовал как «радио-чудо-глаза» и прогнозировал, что «к концу пятилетки в каждом рабочем клубе вспыхнет радио-экран» [Львов 1931, 26]. К созданию текстов о радио в жанре фантастики привлекали юных корреспондентов. Так, «Затейник» предлагал своим читателям откликнуться на кратко изложенный «сон профессора Головоломки» — фантастический сюжет о том, каким будет радио в СССР в начале следующего столетия. Во сне профессор оказался в Советском Союзе 2003 г., то есть опередил свое время на 70 лет. Красный уголок, куда он попал вместе с товарищами, шокировал их радиоуправляемыми подобиями стола и стульев, средствами медицинской радиодиагностики, которая потребовалась одному из взволнованных визитеров в будущее, а также звуками радиоуправляемого автомобиля, доносившимися с улицы. Читателям предлагалось изложить в виде пьесы свои версии радио будущего, победителю в качестве награды обещали радиоприемник⁷ [Сон профессора 1933, 29].

Формирование позитивного образа радиолюбителя, радиоконструктора или радиозатейника осуществлялось в соотношении, в связке с советской маркировкой социальных типажей и страт. Из публикаций следовало, что успешными радиолюбителями могли

быть только организованные дети, объединенные в кружки, звенья, пионерские отряды. Высочайший статус «рыцаря эфира» Лев Кассиль дал персонажу своего рассказа, фронтовому радиокорреспонденту испанских республиканцев юному Франциско Цаборре [Кассиль 1939а]. В условиях «равнения на Испанию» образы республиканцев ставились в общий ряд с советскими героическими персонажами [Илюха 2023]. В противовес им хулиганы, вторгавшиеся в эфир со злонамеренными целями, получали ярлыки «эфирных свиней», а беспризорники, пытавшиеся «подслушать» радиопередачи, или подключиться к волне принимающей станции, назывались «радио-зайцами». В агитационной кинокомедии «Даешь радио», которую в апреле 1925 г. анонсировала «Пионерская правда», комичная часть была построена на высмеивании неорганизованных детей под предводительством безграмотного Федьки Шпунта, пытавшегося установить радиосвязь, и противопоставлении им действующих «по всем правилам науки» пионеров. Кинолента имела и научную часть, показывавшую, «как нужно ставить радиоприемник» [Смотрите кинокартину 1925].

Алексей Николаевич Толстой использовал термин «радиовредитель» для характеристики Васьки Табуреткина — «эфирной свиньи», персонажа рассказа о противостоянии радиолюбителей и радиохулигана [Толстой 1930]⁸. Если радиолюбители стремились ловить из эфира «интересные и превосходные вещи», то у радиохулиганов не было иной цели, как мешать этому. Таким образом, тема радио, ярко высвечивавшая героев и антигероев, социальные разрывы и культурные дистанции, создавала основания для иерархии тех, кто действовал в официально одобренных рамках, а также выстраивания номинационного ряда, включавшего уничижительные именования неформальных пользователей радио. Радио представляло на страницах детской периодики как средство перевоспитания «неорганизованных детей», то есть не вступивших в пионеры. Как следует из текстов в большинстве своем художественного плана, интерес к технике, конструированию, слушанию приводил в пионерские отряды беспризорников, хулиганов, «бузотеров» [Буровой 1925; Чудаков 1926; Богданович 1933].

Борьба за детского слушателя: настройка уха и радиовидимости

На начальном этапе радиофикации информация, передаваемая в эфире, воспроизводила содержание газет и характеризовалась как «печать без бумаги и типографских красок». Радио не только уде-

шевляло доставку информации в отдаленные районы страны, но и позволяло знакомить с содержанием газет неграмотную часть населения. Выражение «по радио передавали газету» является отражением факта регулярного сотрудничества и частичного сращивания двух видов СМИ. Во второй половине 1920-х гг. трижды в неделю московское радиовещание передавало призыв: «Алло! Алло! Слушайте очередной номер „Пионерской правды“ по радио» [И. Б. 1928]. В 1925 г. московской Сокольнической станцией регулярно транслировались сказки «Мурзилки», которые читал не только сам культурный герой журнала, но и «животные», в частности жираф и бегемот. Печатный журнал публиковал отклики на эти радиопередачи, поступавшие как от дошкольников, так и младших школьников [Мурзилкина почта 1925; Мурзилкина почта 1925а, 24]. Станция имени Коминтерна передавала звуковые журналы «Радио-октябрёнок» и «Радио-пионер». На страницах «Мурзилки» детям объясняли, что журнал «Радио-октябрёнок» «хочет связать между собою, сблизить друг с другом всех октябрят, хочет отразить их жизнь, обычай и помочь им в работе. „Радио-октябрёнок“ ждет, что сами октябрьта помогут ему в этом, если они будут писать ему о своей жизни, о своих радостях и огорчениях» [Мурзилка 1925, [форзац]].

В День печати, 5 мая 1932 г. «Пионерская правда» сообщала о достижениях детского радиовещания за семь лет, прошедшие со времени выхода в эфир первого номера журнала «Радио-пионер». Отмечалось, что в СССР все радиостанции осуществляют выпуски радиогазет, которые ежедневно звучат в эфире на самых разных языках. Вместе с тем содержалась критика в адрес школьных работников, недооценивающих радиофикацию школ, в результате чего «сотни радиостанций в школах молчат». Самим пионерам и школьникам газета давала «боевое задание», настраивая на активные действия: «Бороться за многомиллионного радиослушателя» [Соломянская 1932]. «Борьба» подразумевала не только агитацию на словах, но и воздействие на друзей, старших и младших товарищей силой собственного примера.

В 1933 г. ленинградский журнал «Чиж» отдал разворот одного из своих номеров письмам самых юных радиослушателей. Объединяла основную часть корреспонденции тема утренней гимнастики. По всей видимости, часть писем была написана взрослыми или с их участием, о чем говорит стиль и характер текстов. Например, от имени пятилетней Алочки Фельман сообщалось: «Я каждый день встаю в 8 часов и сразу кладу коврик перед радио. В 8 ч. 45 мин.

передается по радио зарядка для дошкольников. Мне она очень нравится. Обещаю делать гимнастику каждый день, объявляю себя ударницей и вызываю на соревнование Иру Штумф» [Радио 1933, 14]. В целом в этой подборке писем и комментариях к ним радио было представлено как один из организаторов повседневной жизни дошкольников; передачи для них звучали в разное время на протяжении «радиодня». Сообщалось об обучающей и развлекательной функциях радио («Радио учит ребят наблюдать природу и записывать свои наблюдения»), а также об увлечении «радиогимнастов» составлением календаря весны и слете радиослушателей-дошкольников. Отмечалось, что радиопередачи для дошкольников имели разнообразное жанровое наполнение, в них звучали стихи, рассказы, музыка и пение, выступали известные детские писатели и поэты, в том числе С. Я. Маршак и К. И. Чуковский. Заканчивалась публикация авторитетным призывом дошкольного сектора Комитета радиовещания ко всем дошкольникам СССР слушать радио и делать гимнастику. Этот призыв отражал идею более глубокую, чем декларируемая: радиопередачи предлагали детям всей страны жить в едином режиме и ритме, слушать общие тексты, дающие правильную ориентацию в социуме.

Периодическая печать стремилась заинтересовать своих читателей уведомлениями о предстоящих передачах, о содержании эфира. Расширяя аудиторию «самых благодарных и усердных радиоабонентов» и создавая образ радио как верного друга детей, журналы комментировали содержание передач, расставляли акценты, не допуская вариативности толкования информации. Осуществлялась фокусировка внимания на главном — том, что служило цели политического воспитания. В 1930-х гг. на страницах детских журналов информация о содержании радиопередач, их влиянии на жизнь детей рассматривается с возрастающим акцентом на политико-идеологической составляющей контента. Так, в 1930 г. журнал «Мурзилка» поместил беллетризованный текст «Юрино войско», о том, как октябрья узнали с помощью радио о запрете советской делегации участвовать в международном слете пионеров в Берлине. «Знаете, ребята, — предложил один белоголовый карапуз, — давайте соберемся, пойдем туда и перебьем ихних буржуев». Поход малышей, вооруженных камнями, не удался, а вожатая Лиза предложила более разумное решение: «...в отместку буржуям... ...мы все будем еще лучше и упорнее учиться, примем больше участия в строительстве нашей страны» [В. В. 1930, 23]. Журнал направлял реакции своих читателей и их действия в нужное русло, пытаясь предот-

вратить избыточно эмоциональный отклик на информацию радио. Упоминание о той или иной радиопередаче зачастую использовалось как аргумент в пользу важности политических событий, подчеркивая их всенародное значение. Например, в 1934 г. сообщалось, что радио «разносит по всей стране» плач о Ленине в десятую годовщину его смерти, или передает траурные вести о смерти Кирова. В 1937 г. подчеркивалось, что радио говорило о выборах в Верховный совет СССР, извещалось о трансляции речи Сталина и о том, что чтения по радио удостоены стихи лезгинского поэта Сулеймана Стальского, славящего родину и вождя. В 1934–1936 гг. радиосвязь была широко представлена на страницах детских журналов как фактор успешного покорения пространства, включая Арктику, летчиками и мореплавателями. Радио должно было стимулировать фантазию детей, способность «видеть наяву» рассказываемое, рождать в их воображении зрительные образы на основе слышимого, то есть вовлекать в соз创чество. Эту концепцию детского радиовещания⁹ поэтически выразил Виктор Гусев: «Радио скажет нам: „Все в порядке“, / и увидим мы наяву, / Как наши летчики без посадки / летят из Москвы в Москву» [Гусев 1937, 6].

Радиосвязь, беспрепятственно преодолевающая государственные рубежи, в пору своего становления была поднята идеологами коммунизма на щит как средство упрочения международной солидарности пролетариев, развития интернациональных связей. В детской печати появлялась информация о встречах редакций радиожурналов с иностранными пионерами или о приеме радиолюбителями вещания из-за рубежа [Полонский 1926]. Например, в 1928 г. «Пионер» сообщал, что воспитанник московской детской технической станции Женя Крадин «построил своей конструкции приемник, который принимает американские, лондонские, стокгольмские и др. заграничные станции» [Федосеев 1928, 16]. Аналогичные сведения встречаются и в художественных текстах. В finale книжной версии упомянутого рассказа Алексея Толстого также перечисляются европейские столицы, чьи голоса были доступны советским радиослушателям: «В доме все радиолюбители сидели за радиоприемниками и ловили волны то из Берлина, то из Стокгольма, то из Лондона, то из Москвы» [Толстой 1929, 31]. Интересно, что в более позднем журнальном варианте этого рассказа его концовка была изменена, автор исключил из нее перечень «слышимых» стран: «В доме все радиолюбители сидели за радиоприемниками и ловили из эфира интересные и превосходные вещи» [Толстой 1930, 7]. По мере нарастания авторитарных тен-

денций в управлении страной и сворачивания контактов рядовых граждан с иностранцами из печати постепенно исчезает тема слушания зарубежных радиостанций, но появляется мотив «настройки на Москву» радиоприемников зарубежных рабочих или пионеров, которые тайком от полиции слушают и слышат, как «шумно и весело на родине всех трудящихся — в Советском Союзе» [В дни Октября 1934, 9]. Радиоволны, «несущие правду» и проникающие через государственные границы, теперь изображаются движущимися в направлении от «столицы мирового пролетариата» в иные города и страны.

При этом радиокоммуникация *в пределах СССР* изображалась пропагандой не как идущая в одном направлении связь — от радиостанции к слушателю, а как средство для диалога, вовлечения в разговор: «Тот — в Москве, я — в Ленинграде / В разных комнатах сидим. / Далеко, а будто рядом / Разговариваем с ним» [Богданович 1933, 8]. Эффект разговора с воображаемым собеседником поддерживался путем развития обратной связи с юными слушателями за счет писем, публиковавшихся в периодической печати. В этих подборках особенно подчеркивалось желание слушать Москву и слышать голос Сталина, слово которого — самое ценное, что может звучать в эфире. Представление о вожде, не просто говорящем по радио, а разговаривающем с народом, создавалось при помощи художественных и публицистических текстов. В стихотворении Х. Левиной, опубликованном в «Мурзилке» (1938), мальчик говорит о своем намерении связаться со Сталиным по радио и рассказать ему переданный по радио же «секрет» — «враг задумал воевать» [Левина 1938, 14]. Чтобы не пропустить выступление вождя, он слушает часы напролет все передачи подряд, «потому что, может быть, Сталин будет говорить» [Левина 1938, 14]. Героиня рассказа Л. Кассиля, жительница Западной Белоруссии Олеся Пружак, впервые услышав радио, которое появилось в ее родном селе с приходом Красной армии, всунула голову в раструб радиорупора и попросила передать поклон Сталину, благодаря которому «панам пришел конец» [Кассиль 1939, 4–5]. В другом, публицистическом тексте пропагандистский прием, объединявший авторитетные образы радио и советского вождя, должен был усилить позитивную убедительность информации о присоединении к СССР стран Прибалтики: «Радио разносит по всему миру слова радости и гордости народов новых советских республик. С горячим волнением люди произносят имя великого любимого Сталина, который ведет трудящихся к новым победам» [Под счастливой звездой 1940, 2].

Рис. 5. Сатирическое изображение «небесной канцелярии» с телефоном на столе и ангелом в радионаушниках. Иллюстрация к пьесе «Небесная катастрофа». Затейник. 1933. № 21–22. С. 2. Художник не указан

Межпоколенческий разрыв подчеркивался различным отношением «отцов» и «детей» к радио. Распространенным приемом в этой связи было противопоставление звучавшего по часам колокола — «голоса церкви» как символа всего старого и отжившего и голоса радио как выражения прогресса, передававшего бой кремлевских курантов, с помощью которых теперь во всей стране размечалось время¹⁰. Крест и антenna соотносились как визуальные культурные знаки разных эпох. На агитационных плакатах и в сценических декорациях, предлагавшихся для использования детской художественной самодеятельностью — крестьянская изба, увенчанная радиоантенной, рисовалась как антипод церкви с крестами на куполах [Задоринка 1929]. Существование Бога оспаривалось с помощью всепроникающих радиоволн, которые не находили его в космосе. Сатирическое изображение радиофицированной «небесной канцелярии» отражало идею идущего из СССР технического прогресса, «ниспровергающего богов» (рис. 5).

Продвижение в деревню радиосвязи преподносилось как результат «воспитательной работы», которую передовые дети ведут с отсталыми родителями. Вариант таких взаимоотношений был

Рис. 6. Иллюстрация К. Елисеева к рассказу в стихах А. Жарова «Чудесная шкатулка». Пионер. 1927. № 11. С. 12–13

представлен в пьесе «Лубок», предназначавшейся для массового использования в школьных и пионерских театрах. Действующие лица — несознательные родители — мать-богомолка и отец-пьяница радикально меняются благодаря радиоприемнику, который устанавливают дома их дети-пионеры. В духе советского лубка изложены и мотивы действий пионеров: «Поп не втащит мамку в церковь, / Тятька бросит водку пить. / Вечерами будут слушать, / „Радий“ будет говорить!» [Задоринка 1929, 25]. При этом эксплуатировался идеальный образ «нового ребенка», активного, прогрессивного преобразователя мира. Журналы делали акцент на культурном разрыве между детьми, быстро осваивающими технические новинки, и отсталыми взрослыми — верующими родителями и сохраняющими память о царском времени стариками (рис. 6). Федя Синицын, которому без трех месяцев семь лет — герой рассказа П. Ярового, готовится строить новую жизнь и вносит в план собственной пятилетки обязательство: «Я сделаю радио для мамки. Мамка — неграмотная, и я ее выучу грамоте» [Яровой 1931, 2], словно осознавая силу воздействия устного слова в сочетании со словом письменным. Вместе с тем сатирически рисуются дети, недостаточно разбирающиеся

Рис. 7. Иллюстрация к стихотворению Х. Левиной. Художник Е. Эндриссон. Мурзилка. 1938. № 4. С. 14

в современной аудиотехнике, например, не различающие телефон и радио [Зилов 1932] или неспособные настроить приемник: «Ух, надула Катя губки — / Рассердилась видно: / Ничего не слышно в трубки. / Разве не обидно?» [Частушки 1930, 17].

В конце 1930-х гг. появляется и нарастает военно-патриотический контекст презентации радиосвязи и радиовещания. Выражением этой тенденции является иллюстрация к стихотворению Х. Левиной. Здесь мальчик в радио-наушниках изображен в окружении исключительно военных игрушек, что передает главную идею стихотворения — дети готовы защищать вождя и родину от врага (рис. 7).

Таким образом, журналы отражали не только процесс и этапы развития радио, выступая путеводителем для детей и их организатором в этом плане, но и решали задачи пропаганды, откликаясь на политически актуальную повестку дня.

Заключение

За полтора предвоенных десятилетия радио прошло путь от диковинной новинки до привычной составляющей советского быта. К концу периода оно стало не только «верным другом» детей, но и банальной частью повседневности. С самого начала радиофикации в СССР работа с детьми по привлечению их интереса к этому про-

цессу была поставлена под государственный контроль, поскольку новый канал информации считался эффективным средством воспитания подрастающего поколения. Журналы привлекали специалистов по художественному воспитанию, радиотехнике и других профессионалов, чтобы разносторонне освещать тему. В 1933 г. журнал «Затейник» сообщал, что его редакция и Центральный дом художественного воспитания детей РСФСР имени А. С. Бубнова «ведут систематическую консультацию по всем вопросам, касающимся музыкальной, театральной, кино, радио, клубно-массовой и изоработы затейников» [Затейник 1933, 19]. Таким образом, за несколько лет новое средство связи наряду с кино оказалось вписанным в ряд традиционных практик работы с детьми.

Сравнительный анализ журналов показал, что материалы различных изданий имеют общие содержательные, стилистические и пропагандистские элементы. Информация в них постепенно смешалась с темы значимости радиосвязи как таковой на акцентировку политически важного в радиоконтенте, его разъяснение. То есть по мере завоевания радиоаудитории больше внимания стало уделяться проблемам восприятия детьми радиофицированного слова, решению идеологических задач. При этом прослеживается дифференциация в направленности информации, связанная с возрастом читателей. Технические инструкции для юных радиоконструкторов, а также научную фантастику помещали в основном журналы, предназначенные школьникам среднего возраста, тогда как их младшим современникам были адресованы рассказы, в общих чертах знакомящие в этом средством связи и передаваемой с его помощью информацией. Две составляющие радиокоммуникации — техническая и информационная, получили отражение на страницах детских изданий. Если первая пропагандировалась с помощью рациональных средств, то вторая — с апелляцией к эмоциональной сфере детей. Тексты для детей начала эпохи радио в СССР отражают волнение, восхищение и желание обладать радиоприемником, разгадать загадку невидимого голоса. В условиях дефицита техники была сделана ставка на самообеспечение, изготовление приемников своими силами, что совпадало с курсом на развитие детского технического творчества в целом и политехнизацию школьного образования. Журналы внесли свой вклад в адаптацию детей к новинке, в формирование интереса к технике, что стимулировало ее освоение и развитие радиотехнического творчества, они приобщали своих читателей к созданию радиопрограмм и осуществляли идеологическую настройку уха юного советского радиослушателя.

Периодические издания решали не только задачу рекламирования нового средства коммуникации, но и связывали с этой темой актуальные педагогические и политico-идеологические темы. Радио представлено в них как символ технического прогресса, а «голос Москвы» — как транслятор истины.

Целям пропаганды радио соответствовал образ идеального советского ребенка — активного борца с остатками прошлого — темнотой и невежеством. Создатель радиоприемника или монтер школьной радиосети — это всегда мальчик. В галерее образов слушателей радио наряду с мальчиками присутствуют и девочки. Слушатели представлены в индивидуальном плане и в составе группы, коллектива, объединенного вокруг радиоприемника. Образы детства в контексте радиофикации с одной стороны отражали вовлеченность юных граждан в модернизационные процессы, с другой — демонстрировали понимание издателями и авторами журнальных публикаций манипулятивного потенциала образов детства. На страницах печати дети-радиолюбители, радиослушатели, помощники взрослых и старииков в освоении техники — образцы для подражания, символы прогресса, самостоятельности, творческой инициативы, преобразования мира, активной жизненной позиции в русле государственного интереса. Советское общество осваивало радио не только с участием подростков, но в определенной мере, с их помощью. А образы детей-радиолюбителей использовались СМИ для формирования позитивного отношения к радиофикации как одному из проявлений заботы советской власти о людях, создания заинтересованности в слушании радио, а в конечном итоге утверждения безусловного доверия к передаваемой по радио информации.

Круг «потребителей» информации о радио, публикавшейся в детских периодических изданиях, выходил за пределы непосредственных адресатов, поскольку часть текстов предназначалась для дальнейшей трансляции с подмостков клубов и школьных сцен или воспроизведения в виде лозунгов и плакатов. Таким образом, содержание детских журналов расширяет видение раннесоветской культуры с точки зрения истории овладения обществом в целом и его различными группами, технической новинкой, показывает способы ее популяризации. Печатные СМИ с их уже утвердившимся авторитетом активно освещали появление нового средства массовой коммуникации и внесли свой вклад в его продвижение.

Примечания

- ¹ Статья выполнена в рамках государственного задания КарНЦ РАН, тема 124022000029–0.
- ² Этот подход представлен также в зарубежных и международных исследованиях двух последних десятилетий о взаимоотношениях детей и молодежи с радио — как в качестве слушателей, так и в качестве участников программ [Wilkinson 2018].
- ³ Радиогазета, радиоспектакль, радиобой, радиодень, радиозатейник, радиопоход, радиозаяц и т. д.
- ⁴ Становление советской детской журналистики опиралось на более чем столетний российский опыт издания журналов для юных читателей. См.: [Колесова 2009].
- ⁵ Некоторое внимание детям как особой категории радиослушателей уделяли также специализированные периодические издания, выпуск которых был начат в середине 1920-х гг. на средства профильных организаций — акционерного общества «Радиопередача», Общества друзей радио, Народного комиссариата почт и телеграфов. Это, прежде всего, издания союзного значения: журналы «Радио всем», «Радиолюбитель» и «Радиослушатель», а также газета «Новости радио».
- ⁶ Показательно, что в Германии, где первоначально делалась ставка на производство дорогостоящих радиоприемников класса люкс, радиолюбительство стало массовым хобби [Campbell 2019, 44].
- ⁷ Для стимулирования участия читателей в конкурсах или лотереях, в сбое металлолома и макулатуры журналы регулярно информировали о включении радиоприемника как особо ценной награды в призовой фонд.
- ⁸ Самая ранняя из известных публикаций — под заглавием «Радиовредитель» в кн.: А. Н. Толстой. Радиовредитель. Л.: Красная газета, 1929. Перепечатав рассказ в Собрании сочинений Гослитиздата в 1934–1936, т. 1, писатель датировал его 1925 годом.
- ⁹ Вопросы, связанные с потенциалом радио в развитии «воссоздающего воображения», освещены, в частности, в диссертации Г. Я. Власкиной [Власкина 1985, 48].
- ¹⁰ Формульно эту идею выразил Д. Л. Бурлюк: «Нашей эпохой: радио — храмы!» [Бурлюк 1924].

Литература

Источники

- Антонюк 1940* — Антонюк З. Как я была на Шпицбергене // Мурзилка. 1940. № 1. С. 6.
- Бельшев 1931* — Бельшев И. Радио // Чиж. 1931. С. 4–5.

Богданович 1933 — Богданович и Невзглядова. Похождения Егорки: Кукольная пьеса // Затейник. 1933. № 23. С. 2–9.

Боевые вопросы 1930 — Боевые вопросы // Затейник. 1930. № 2. С. 2.

Булатов 1924 — Булатов Н. Как самому устроить радиоприемник // Пионер. 1924. № 7. С. 29–30.

Бурлюк 1924 — Бурлюк Д. Стихи. Картины. Автобиография. Бурлюк пожимает руку Вульворт Бильдингу: К 25-летию художественно литературной деятельности. Нью-Йорк: Русский Голос, 1924.

Буровой 1925 — Буровой Лев. Петька-бузотер // Пионер. 1925. № 25. С. 14–15.

В. В. 1930 — В. В. Юрино войско // Мурзилка. 1930. № 8. С. 22–23.

Введенский 1935 — Введенский А. Как я пошел в школу // Еж. 1935. № 11. С. 31.

В дни Октября 1934 — В дни Октября // Еж. 1934. № 11. С. 7–9.

Висс 1926 — Висс Л. Радио // Мурзилка. 1926. № 3. С. 9–10.

Власов-Окский 1927 — Власов-Окский Н. Радиолюбитель // Мурзилка. 1927. № 11. С. 25.

Гусев 1937 — Гусев В. Летят наши летчики // Затейник. 1937. № 9. С. 5–6.

Задоринка 1929 — Задоринка Б. Лубок // Затейник. 1929. № 10. С. 24–25.

Замойский 1926 — Замойский П. Столбы // Мурзилка. 1926. № 11. С. 6–7.

Затейник 1933 — [Без названия] // Затейник. 1933. № 23. С. 19.

Зилов 1932 — Зилов Л. Петя путаник // Мурзилка. 1932. № 9. С. 28–29.

И. Б. 1928 — И. Б. Орехово-зуевцы у микрофона // Пионерская правда. 1928. № 34, 28 апр. С. 3.

Иноземцев 1928 — Иноземцев И. Рассказ о радио // Детская литература. 1938. № 20. С. 76–77.

Кассиль 1939 — Кассиль Л. Три рассказа // Мурзилка. 1939. № 11–12. С. 3–5.

Кассиль 1939 а — Кассиль Л. Уховертка // Затейник. 1939. № 4. С. 8–12.

Клокова 1930 — Клокова М. Липовый цвет // Мурзилка. 1930. № 6. С. 12.

Левина 1938 — Левина Х. Тише, тише... // Мурзилка. 1938. № 4. С. 14.

Львов 1931 — Львов В. Е. Радио-глаза // Еж. 1931. № 1. С. 23–26.

Мурзилка 1925 — Мурзилка. 1925. № 7. Форзац.

Мурзилкина почта 1925 — Мурзилкина почта // Мурзилка. 1925. № 3. С. 21.

Мурзилкина почта 1925а — Мурзилкина почта // Мурзилка. 1925. № 7. С. 22–24.

Наши радио-любители 1924 — Наши радио-любители // Пионер. 1924. № 8. С. 28.

Немцов 1928 — Немцов В. Веселый вечер // Пионер. 1928. С. 24.

Под счастливой звездой 1940 — Под счастливой звездой // Мурзилка. 1940. № 9. С. 2.

Полонский 1926 — Полонский В. Наша связь с детьми трудящихся всего мира // Мурзилка. 1926. № 9. С. 22.

Профессор Головоломка 1934 — Профессор Головоломка собирается в лагерь // Затейник. 1934. № 9. С. 22–23.

Прошу слова 1924 — Прошу слова! // Пионер. 1924. № 7. С. 24.

Радио 1933 — Радио // Чиж. 1933. № 23. С. 14–15.

Рывкин 1935 — Рывкин Б. Громкоговоритель-разбойник // Еж. 1935. № 1. С. 22.

Смотрите кинокартину 1925 — Смотрите кинокартину «Даешь радио» // Пионерская правда. 1925. 5 апр. С. 4.

Соломянская 1932 — Соломянская Р. Без бумаги и расстояния. Пионерская печать крепнет // Пионерская правда. 1932. 5 мая. С. 1.

Сон профессора 1933 — Сон профессора Головоломки // Затейник. 1933. № 23. С. 26–29.

Стириус 1931 — Стириус М. Большевики завоевывают эфир. Ленинград: Прибой, 1931.

Толстой 1929 — Толстой А. Н. Радиовредитель. Л.: Красная газета, 1929.

Толстой 1930 — Толстой А. Н. Рассказ о капитане Гаттерасе, о Мите Стрельникове, о хулигане Ваське Табуреткине и злом коте Хаме // Еж. 1930. № 22–23, нояб. С. 1–7.

Федоров-Давыдов 1928 — Федоров-Давыдов А. Вот где хорошо // Мурзилка. 1928. № 7. С. 6–9.

Федосеев 1928 — Федосеев С. Будущие Эдисоны // Пионер. 1928. № 2. С. 16–17.

Федорченко 1928 — Федорченко С. Ярмарка // Еж. 1928. № 2. С. 12–14.

Частушки 1930 — Частушки // Затейник. 1930. № 2. С. 17.

Чудаков 1926 — Чудаков Лев. Юные радисты // Пионер. 1926. № 22. С. 18.

Шебуев 1929 — Шебуев Г. Радио // Мурзилка. 1929. № 6. С. 5.

Яровой 1931 — Яровой П. Федина пятилетка // Мурзилка. 1931. № 6. С. 1–4.

Исследования

Ваничев 2013 — Ваничев С. В. Радиовещание в Карелии в освещении местной периодической печати 1930-х годов // Труды Карельского научного центра РАН. № 4. 2013. С. 129–135.

Власкина 1985 — Власкина Г. Я. Эстетическое воспитание старшеклассников средствами телевидения и радио: дис... канд. пед. наук. М., 1985.

Воробьев 2020 — Воробьев Б. В., Коваленко О. Ю., Колношенко В. И., Колношенко О. В., Левчук А. А. Культурно-досуговая работа с детскими и юношескими организациями юнармии: учебное пособие. М.: Военный университет, 2020.

Горбаткова 2015 — Горбаткова О. И. Становление системы отечественного медиаобразования в 20-е годы XX века: автореф. дис... канд. пед. наук / Белгород. гос. университет. Белгород, 2015.

Горяева 2009 — Горяева Т. М. Радио России: Политический контроль радиовещания в 1920-х — 1930-х гг.: документированная история. 2-е изд. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009.

Гофман 1931 — Гофман В. Старое и новое в детских журналах // Детская литература: критический сб. / под ред. А. В. Луначарского. М.-Л.: ГИХЛ, 1931. С. 182–208.

Илюха 2023 — Илюха О. П. «Угроза детству»: гражданская война на Пиренеях в освещении советских периодических изданий для детей // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 3. С. 721–744. DOI: 10.21638/spbu24.2023.312

Колесова 2009 — Колесова Л. Н. Детские журналы России. XX век. Петров заводск: ПетрГУ, 2009.

Лотман 1994 — Лотман Ю., Цивьян Ю. Диалог с экраном. Таллинн: Александра, 1994.

Тихонова 2020 — Тихонова О. В. Радиогазеты в Советской России (1920–1930-е гг.). М.: Факультет журналистики МГУ, 2020.

Развитие связи 1967 — Власов М. А., Гайдучик И. М., Гусятинский И. А. Развитие связи в СССР. 1917–1967 гг. / под общ. ред. Н. Д. Псурцева. М.: Связь, 1967.

Рикитянская 2017 — Рикитянская М. Как детей учили слушать(ся): становление радиокружков в Советском Союзе // Логос. 2017. Т. 27, № 5 (120). С. 141–162.

Руденко 2017 — Руденко И. А. Детская радиожурналистика: специфика периода становления (1925–1941 гг.) // Радио: начало истории. К 120-летию: Сборник научных статей / сост. О. В. Тихонова. М.: Факультет журналистики МГУ, 2017. С. 95–104.

Сомов 2015 — Сомов В. А. Советский радиофронт: радио и воспитание патриотизма в СССР 1930-х годов // Историческая психология и социология истории. 2015. Т. 8, № 2. С. 108–121.

Федоров 2015 — Федоров А. В. Медиаобразование: история и теория. М.: МОО «Информация для всех», 2015.

Челышева 2013 — Челышева И. В. Теория и история российского медиаобразования. М.: Директ-Медиа, 2013.

Щербинин 1999 — Щербинин А. И. «С картинки в твоем букваре», или Аз, Веди, Глагол, Мыслете и Живете тоталитарной индоктринации // Полис. Политические исследования. 1999. № 1. С. 116–136.

Behringer 2006 — Behringer W. Communications Revolutions: A Historiographical Concept // German History. 2006. Vol. 24, issue 3, July. Pp. 333–374.

Campbell 2019 — Campbell B. B. Palgrave Studies in the History of Science and Technology. Cham: Palgrave Macmillan, 2019.

Pörksen 1997 — Pörksen U. Weltmarkt der Bilder: Eine Philosophie der Visiotype. Stuttgart: Klett-Cotta, 1997.

Wilkinson 2018 — Wilkinson C. Radio, children and young people // Oxford Bibliographies in Childhood Studies. 2018. URL: <https://researchonline.ljmu.ac.uk/id/eprint/12376/>

References

Behringer 2006 — Behringer, W. (2006) Communications Revolutions: A Historiographical Concept. German History, 24(3), 333–374.

Campbell 2019 — Campbell, B. B. (2019). Palgrave Studies in the History of Science and Technology. Cham: Palgrave Macmillan.

Chelysheva 2013 — Chelysheva, I. V. (2013). Teoriya i istoriya rossijskogo mediaobrazovaniya [Theory and history of Russian media education]. Moscow: Direkt-Media.

Fedorov 2015 — Fedorov, A. V. (2015). Mediaobrazovanie: istoriya i teoriya [Media education: history and theory]. Moscow: MOO “Informaciya dlya vsekh”.

Gorbatkova 2015 — Gorbatkova, O. I. (2015). Stanovlenie sistemy otechestvennogo mediaobrazovaniya v 20-e gody 20 veka: avtoref. dis. kand. ped. nauk. [The formation of the national media education system in the 20s of the twentieth century] (abstract of doctoral dissertation). Belgorod State University, Belgorod.

Goryaeva 2009 — Goryaeva, T. M. (2009). Radio Rossii. Politicheskij kontrol' radioveschchaniya v 1920-h–1930-h godah. Dokumentirovannaya istoriya [Radio

of Russia. Political control of radio broadcasting in the 1920s — 1930s. A documented history]. Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya.

Gofman 1931 — Gofman, V. (1931). Staroe i novoe v detskih zhurnalah [Old and new in children's magazines]. In A. V. Lunacharsky (Ed.), Det-skaya literatura: kriticheskij sbornik [Children's literature: a critical collection] (pp. 182–208). Moscow, Leningrad: GIHL.

Ilyukha 2023 — Ilyukha, O. P. (2023). “Ugroza detstvu”: grazhdanskaya vojna na Pireneyah v osveshenii sovetskikh periodicheskikh izdanij dlya detej [“A Threat to the Childhood”: Civil War in the Pyrenees in the Coverage of Soviet Periodicals for Children]. Novejshaya istoriya Rossii, 13(3), 721–744. DOI: 10.21638/spbu24.2023.312

Kolesova 2009 — Kolesova, L. N. (2009). Detskie zhurnaly Rossii. XX vek [Russian children's magazines. XX century]. Petrozavodsk: PetrGU.

Lotman 1994 — Lotman, Yu., Civ'yan, Yu. (1994). Dialog s ekranom [Dialog with the screen]. Tallinn: Aleksandra.

Pörksen 1997 — Pörksen, U. (1999). Weltmarkt der Bilder: Eine Philosophie der Visiotype. Stuttgart: Klett-Cotta.

Razvitie svyazi 1967 — Vlasov, M. A., Gajduchik, I. M., Gusyatinskij, I. A. (1967). Razvitie svyazi v SSSR (1917–1967 gg.) [Development of communications in the USSR (1917–1967)] (Ed. by N. D. Psurtsev). Moscow: Svyaz'.

Rikitianskaia 2017 — Rikitianskaia, M. (2017) Kak detej uchili slushat'(sya): stanovlenie radiokruzhkov v Sovetskem Soyuze [How children learned to listen: The formation of radio clubs in the Soviet Union]. Logos, vol. 27, 5(120), 141–162.

Rudenko 2017 — Rudenko, I. A. (2017). Detskaya radiozhurnalistika: specifika perioda stanovleniya (1925–1941 gg.) [Detskaya radiozhurnalistika: specifika perioda stanovleniya (1925–1941)]. In O. V. Tihonova (Ed.), Radio: nachalo istorii. K 120-letiju: Sbornik nauchnyh statej [Radio: the beginning of history. For the 120th anniversary: Collection of scientific articles] (pp. 95–104). Moscow: Fakul'tet zhurnalistikii MGU.

Shcherbinin 1999 — Shcherbinin, A. I. (1999). “S kartinki v twoem bukvare” ili Az, Vedi, Glagol, Myslete i Zhivete totalitarnoj indoktrinacii [“From the picture in your primer” or Az, Lead, Verb, Think and Live totalitarian indoctrination]. Polis. Politicheskie issledovaniya, 1, 116–136.

Somov 2015 — Somov, V. A. (2015). Sovetskij radiofront: radio i vospitanie patriotizma v SSSR 1930-h godov [The Soviet Radio Front: Radio and the education of patriotism in the USSR of the 1930s]. Istoricheskaya psihologiya i sociologiya istorii, 8(2), 108–121.

Tihonova 2020 — Tihonova, O. V. (2020). Radiogazety v Sovetskoy Rossii (1920–1930-e gg.) [Radio newspapers in Soviet Russia (1920–1930s)]. Moscow: Fakul'tet zhurnalistikii MGU.

Vanichev 2013 — Vanichev, S. V. (2013). Radioveshchanie v Karelii v osveschenii mestnoj periodicheskoy pechati 1930-h godov [Radio broadcasting in Karelia as reported by local printed media in the 1930s]. Trudy Karel'skogo nauchnogo centra RAN, 4, 129–135.

Vlaskina 1985 — Vlaskina, G. Ya. (1985). Ehsteticheskoe vospitanie starsheklassnikov sredstvami televideniya i radio [Aesthetic education of high school students by means of television and radio] (doctoral dissertation). Moscow.

Vorob'ev 2020 — Vorob'ev, B. V., Kovalenko, O. Yu., Kolnoshenko, V. I., Kolnoshenko, O. V., Levchuk, A. A. (2020). Kul'turno-dosugovaya rabota s detskimi i yunosheskimi organizaciyami yunarmii [Cultural and leisure work with children's and youth organizations of Yunarmiya]: uchebnoe posobie. Moscow: Voennyj universitet.

Wilkinson 2018 — Wilkinson, C. (2018). Radio, children and young people. Oxford Bibliographies in Childhood Studies. Retrieved from: <https://researchonline.ljmu.ac.uk/id/eprint/12376/>

OIga Ilyukha

Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences; ORCID:
0000-0002-1672-5925

“HUSH, MOSCOW SPEAKS!”: CAMPAIGNING FOR RADIO ON THE PAGES OF CHILDREN’S MAGAZINES IN THE EARLY SOVIET DECADES

The article highlights the problem of the entry of an innovative means of communication for its time into Soviet society. The task is to identify and consider ways to attract children’s attention to radio on the pages of periodicals of the 1920s and 1930s. The main materials used are magazines addressed to schoolchildren, which reflect the official discourse adapted for a children’s audience. Radio is presented in them as a technical means of communication and as a source of information. Among the areas of work of the editorial offices of such publications on radio propaganda are familiarizing children with the innovation, instilling in them an interest in radio technology, attracting listeners, correspondents, and agitators for listening to radio. There is an expansion of the thematic range of publications as the expansion of radio increases, as well as a shift in editorial attention from advertising radio communications and the propaganda of radio technology towards commenting on the content of radio broadcasts. The article shows their connection with the editorial offices of radio programs presented on the pages of children’s periodicals, and the participation of newspapers and magazines in the preparation of broadcasts, which ensured the integrity of the country’s information space and served the effectiveness of educational and ideological work combining the written and spoken word. The propagandized practices of listening to the radio, the communication lines of agitation for radio with the organization of pioneer work, its ideology, including social “reforging”, anti-religious propaganda and work with street children, have been identified. The techniques aimed at attracting children as “agents” of radio communication are shown. Attention is drawn to the use, characteristic features and functional purpose of images of children in artistic and journalistic texts on the topic of radio.

Keywords: media studies, history of radio, radio broadcasting, children’s magazines, Soviet childhood